

Иосиф Александрович
БРОДСКИЙ
1940 – 1996

Иосиф
БРОДСКИЙ

Урания

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-5
Б 88

В подготовке текста принимали участие
Лев Лосев и Алексей Сумеркин

Фонд по управлению наследственным имуществом
Иосифа Бродского выражает благодарность
Алексею Гринбауму
за содействие в подготовке и осуществлении
настоящего издания.

Тексты воспроизводятся с сохранением особенностей
авторского написания и пунктуации; в ряде случаев была учтена
поздняя авторская правка.

© Фонд по управлению наследственным имуществом
Иосифа Бродского, 2022

Воспроизведение без разрешения Фонда запрещено.
По вопросам, связанным с публикацией произведений
Иосифа Бродского, обращаться по адресу:
estate@josephbrodsky.org

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-01217-2

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2012
Издательство АЗБУКА®

Осенний крик ястреба

* * *

Как давно я топчу, видно по каблуку.
Паутинку тоже пальцем не снять с чела.
То и приятно в громком кукареку,
что звучит как вчера.
Но и черной мысли толком не закрепить,
как на лоб упавшую косо прядь.
И уже ничего не снится, чтоб меньше быть,
реже сбываться, не засорять
времени. Нищий квартал в окне
глаз мозолит, чтоб, в свой черед,
в лицо запомнить жильца, а не
как тот считает, наоборот.
И по комнате точно шаман кружа,
я наматываю как клубок
на себя пустоту ее, чтоб душа
знала что-то, что знает Бог.

1980/1987

РАЗВИВАЯ ПЛАТОНА

I

Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе, где река
высовывалась бы из-под моста, как из рукава — рука,
и чтоб она впадала в залив, растопырив пальцы,
как Шопен, никому не показывавший кулака.

Чтобы там была Опера и чтоб в ней ветеран-
тенор исправно пел арию Марио по вечерам;
чтоб Тиран ему аплодировал в ложе, а я в партере
бормотал бы, сжав зубы от ненависти: «баран».

В этом городе был бы яхт-клуб и футбольный клуб.
По отсутствию дыма из кирпичных фабричных труб
я узнавал бы о наступлении воскресенья
и долго бы трясся в автобусе, мучая в жмене руб.

Я вплетал бы свой голос в общий звериный вой
там, где нога продолжает начатое головой.

Изо всех законов, изданных Хаммурапи,
самые главные — пенальти и угловой.

II

Там была бы Библиотека, и в залах ее пустых
я листал бы тома с таким же количеством запятых,
как количество скверных слов в ежедневной речи,
не прорвавшихся в прозу. Ни, тем более, в стих.

Там стоял бы большой Вокзал, пострадавший в войне,
с фасадом куда занятней, чем мир вовне.

Там при виде зеленой пальмы в витрине авиалиний
просыпалась бы обезьяна, дремлющая во мне.

И когда зима, Фортунатус, облакает квартал в рядно,
я б скучал в Галерее, где каждое полотно
— особенно Энгра или Давида —
как родимое выглядело бы пятно.

В сумерках я следил бы в окне стада
мычащих автомобилей, снующих туда-сюда
мимо стройных нагих колонн с дорической
прической,
безмятежно белеющих на фронтоне Суда.

III

Там была бы эта кофейня с недурным бланманже,
где, сказав, что зачем нам двадцатый век, если есть уже
девятнадцатый век, я бы видел, как взор коллеги
надолго сосредоточивается на вилке или ноже.

Там должна быть та улица с деревьями в два ряда,
подъезд с торсом нимфы в нише и прочая ерунда;
и портрет висел бы в гостиной, давая вам
представленья
о том, как хозяйка выглядела, будучи молода.

Я внимал бы ровному голосу, повествующему о вещах,
не имеющих отношенья к ужину при свечах,
и огонь в камельке, Фортунатус, бросал бы
багровый отблеск
на зеленое платье. Но под конец зачах.

Время, текущее в отличие от воды
горизонтально от вторника до среды,
в темноте там разглаживало бы морщины
и стирало бы собственные следы.

IV

И там были бы памятники. Я бы знал имена
не только бронзовых всадников, всунувших в стремена
истории свою ногу, но и ихних четвероногих,
учитывая отпечаток, оставленный ими на

населении города. И с присохшей к губе
сигаретою сильно за́полночь возвращаясь пешком
к себе,
как цыган по ладони, по трещинам на асфальте
я гадал бы, икая, вслух о его судьбе.

И когда бы меня схватили в итоге за шпионаж,
подрывную активность, бродяжничество, менаж-
а-труа, и толпа бы, беснуясь вокруг, кричала,
тыча в меня натруженными указательными:

«Не наш!» —

я бы втайне был счастлив, шепча про себя: «Смотри,
это твой шанс узнать, как выглядит изнутри
то, на что ты так долго глядел снаружи;
запоминай же подробности, восклицая

„Vive la Patrie!“».

1976

ПОСВЯЩАЕТСЯ СТУЛУ

I

Март на исходе. Радостная весть:
день удлинился. Кажется, на треть.
Глаз чувствует, что требуется вещь,
которую пристрастно рассмотреть.
Возьмем за спинку некоторый стул.
Приметы его вкратце таковы:
зажат между невидимых, но скул
пространства (что есть форма татарвы),
он что-то вроде метра в высоту
на сорок сантиметров в ширину
и сделан, как и дерево в саду,
из общей (как считалось в старину)
коричневой материи. Что сухо
сочтется камуфляжем в Царстве Духа.

II

Вещь, помещенной будучи, как в Аш-
два-О, в пространство, презирая риск,
пространство жаждет вытеснить; но ваш
глаз на полу не замечает брызг
пространства. Стул, что твой наполеон,
красуется сегодня, где вчерась.
Что было бы здесь, если бы не он?
Лишь воздух. В этом воздухе б вилась

пыль. Взгляд бы не задерживался на пылинке, но, блуждая по стене, он достигал бы вскорости окна; достигнув, устремлялся бы вовне, где нет вещей, где есть пространство, но к вам вытесненным выглядит оно.

III

На мягкий в профиль смахивая знак и «восемь», но квадратное, в анфас, стоит он в центре комнаты, столь наг, что многое притягивает глаз. Но это — только воздух. Между ног (коричневых, что важно — четырех) лишь воздух. То есть дай ему пинок, скинь все с себя — как об стену горох. Лишь воздух. Вас охватывает жуть. Вам остается, в сущности, одно: вскочив, его рывком перевернуть. Но максимум, что обнажится — дно. Фанера. Гвозди. Пыльные штыри. Товар из вашей собственной ноздри.

IV

Четверг. Сегодня стул был не у дел. Он не переместился. Ни на шаг. Никто на нем сегодня не сидел, не двигал, не набрасывал пиджак. Пространство, точно изморозь — пчелу, вещь, пользоваться коей перестал владелец, превращает ввечеру (пусть временно) в коричневый кристалл.

Стул напрягает весь свой силуэт.
Тепло; часы показывают шесть.
Все выглядит, как будто его нет,
тогда как он в действительности есть!
Но мало ли чем жертвуют, вчера
от завтра отличая, вечера.

V

Материя возникла из борьбы,
как явствуют преданья старины.
Мир создан был для мебели, дабы
создатель мог взглянуть со стороны
на что-нибудь, признать его чужим,
оставить без внимания вопрос
о подлинности. Названный режим
материи не обещает роз,
но гвозди. Впрочем, если бы не гвоздь,
все сразу же распалось бы, как есть,
на рейки, перекладины. Ваш гость
не мог бы, при желании, присесть.
Составленная из частей, везде
вещь держится в итоге на гвозде.

VI

Стул состоит из чувства пустоты
плюс крашеной материи; к чему
прибавим, что пропорции просты
как тыщи отношенье к одному.
Что знаем мы о стуле, окромя
того, что было сказано в пылу
полемики? — что всеми четырьмя
стоит он, точно стол ваш, на полу?

Но стол есть плоскость, режущая грудь.
А стул ваш вертикальностью берет.
Стул может встать, чтоб лампочку ввернуть,
на стол. Но никогда наоборот.
И, вниз пыльцой, переплетенный стебель
вмиг озарит всю остальную мебель.

VII

Воскресный полдень. Комната гола.
В ней только стул. Ваш стул переживет
вас, ваши безупречные тела,
их плотно облежавший шевиот.
Он не падет от взмаха топора,
и пламенем ваш стул не удивишь.
Из бурных волн под возгласы «ура»
он выпрыгнет проворнее, чем фиш.
Он превзойдет употребленьем гимн,
язык, вид мироздания, матрас.
Расшатав, он заменится другим,
и разницы не обнаружит глаз.
Затем что — голос вещь, а не зловец —
материя конечна. Но не вещь.

Весна 1987

ШОРОХ АКАЦИИ

Летом столицы пустеют. Субботы и отпуска
уводят людей из города. По вечерам — тоска.
В любую из них спокойно можно ввести войска.
И только набравши номер одной из твоих подруг,
не уехавшей до сих пор на юг,
насторожишься, услышав хохот и волапюк,

и молча положишь трубку: город захвачен; строй
переменился: все чаще на светофорах — «Стой».
Приобретая газету, ее начинаешь с той
колонки, где «что в театрах» рассыпало свой петит.
Ибсен тяжеловесен, А. П. Чехов претит.
Лучше пойти пройтись, нагулять аппетит.

Солнце всегда садится за телебашней. Там
и находится Запад, где выручают дам,
стреляют из револьвера и говорят «не дам»,
если попросишь денег. Там поет «ла-ди-да»,
трепеща в черных пальцах, серебряная дуда.
Бар есть окно, прорубленное туда.

Вереница бутылок выглядит как Нью-Йорк.
Это одно способно привести вас в восторг.
Единственное, что выдает Восток,
это — клинопись мыслей: любая из них — тупик,
да на банкнотах не то Магомет, не то его горный пик,
да шелестящее на ухо жаркое «ду-ю-спик».

И когда ты потом петляешь, это — прием котла,
новые Канны, где, обдавая запахами нутра,
в ванной комнате, в четыре часа утра,
из овала над раковиной, в которой бурлит моча,
на тебя тарашится, сжав рукоять меча,
Завоеватель, старающийся выговорить «ча-ча-ча».

1974–1975

СОДЕРЖАНИЕ

ОСЕННИЙ КРИК ЯСТРЕБА

«Как давно я топчу, видно по каблuku...»	7
Развивая Платона	8
Посвящается стулу	11
Шорох акации	15
«Восходящее желтое солнце следит косыми...»	17
Шведская музыка	18
Bagatelle	19
Полдень в комнате	21
Роттердамский дневник	29
Над Восточной рекой	31
Война в убежище Киприды	32
Строфы («Наподобье стакана...»)	33
«Барбизон Террас»	42
«Те, кто не умирают, живут...»	43
Новый Жюль Верн	44
«Помнишь свалку вещей на железном стуле...»	53
«Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной...» ..	55
Осенний крик ястреба	56

К УРАНИИ

Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова	63
«Восславим приход весны! Ополоснем лицо...»	75
«Время подсчета цыплят ястребом; скирд в тумане...»	76
«Я распугивал ящериц в зарослях чапарраля...»	77
Полярный исследователь	78
«Дни расплетают тряпочку, сотканную Тобою...»	79

Пятая годовщина (4 июня 1977)	80
В Англии	
I. Брайтон-рок	85
II. Северный Кенсингтон	86
III. Сохо	86
IV. Ист Финчли	87
V. Три рыцаря	89
VI. Йорк	90
VII. «Английские каменные деревни...»	92
Сан-Пьетро	93
Квнтет	98
Письма династии Минь	102
Элегия («До сих пор, вспоминая твой голос, я прихожу...»)	104
Пьяцца Маттеи	106
Стихи о зимней кампании 1980-го года	112
Полонез: вариация	116
Венецианские строфы (1)	118
Венецианские строфы (2)	121
Резиденция	124
Ария	125
Римские элегии	128
Эклога 4-я (зимняя)	135
Эклога 5-я (летняя)	142
Прилив	151
Бюст Тиберия	155
В окрестностях Александрии	159
Келломяки	161
Горение	166
«То не Муза воды набирает в рот...»	169
«Я был только тем, чего...»	171
Сидя в тени	173
«Точка всегда обозримей в конце прямой...»	181
К Урании	182

ЖИЗНЬ В РАССЕЯННОМ СВЕТЕ

«Снег идет, оставляя весь мир в меньшинстве...»	185
«Ночь, одержимая белизной...»	186
Муха	187
«Вечер. Развалины геометрии...»	197
На выставке Карла Виллинка	198
«Я входил вместо дикого зверя в клетку...»	201
Жизнь в рассеянном свете	202
«Ты узнаешь меня по почерку. В нашем ревнивом царстве...»	204
«В этой комнате пахло тряпьем и сырой водой...»	205
В Италии	206
Стрельна	207
«Чем больше черных глаз, тем больше переносиц...»	208
«Замерзший кисельный берег. Прячущий в молоке...»	209
На виа Джулиа	210
Послесловие	211
Элегия («Прошло что-то около года. Я вернулся на место битвы...»)	213
«Мысль о тебе удаляется, как разжалованная прислуга...»	214
Алфавитный указатель	215

Бродский И.

Б 88 Урания : стихотворения / Иосиф Бродский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 224 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-01217-2

Поэтические сборники Иосифа Бродского «Остановка в пустыне», «Конец прекрасной эпохи», «Часть речи», «Новые стансы к Августе», «Урания» и «Пейзаж с наводнением» долгое время оставались недоступны русским читателям, если не считать «самиздата». В 1970–1990-е годы эти книги опубликовало американское издательство «Ардис». Бродский с благодарностью писал о том, что Карлу Профферу, одному из основателей «Ардиса», удалось сохранить непрерывность развития русской литературы и ее высокое значение, спасти многих русских писателей и поэтов от забвения. Сборник «Урания», впервые опубликованный в 1987 году, включает стихотворения 1970–1980-х годов; среди них такие известные, как «Осенний крик ястреба», «Посвящается стулу», «Полдень в комнате», «Пятая годовщина», «Римские элегии», «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» и другие..

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-5

Литературно-художественное издание

ИОСИФ БРОДСКИЙ
УРАНИЯ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.03.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 9,87. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-VAK-3369-06-R